

Февральская революция 1917 года

Дмитрий Витальевич Калюжный,
*доктор философии, член Союза журналистов России,
член Союза писателей России,
член Международного сообщества писательских союзов*

В нынешних условиях опыт 1917 года бесценен. События того переломного года хорошо описаны, они известны – но их надо не только знать, а понимать.

Однако с пониманием – проблемы.

Обсуждая – а чаще осуждая те события, иногда говорят, что к 1914 году Россия набрала беспрецедентные темпы развития и вошла в один ряд с наиболее развитыми державами мира, что она процветала.

С этим надо разобраться. Да, рост был. Росли производство зерна, добыча угля и нефти, выплавка чугуна и стали, протяженность железных дорог и банковский сектор – в основном стараниями западных компаний и банков, имевших на этом хороший рост своих доходов. Но – при этом Россия, крупнейший в мире экспортёр зерна, производила его на душу населения вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины, и вдвое – США. Страна

вывозила хлеб за счёт недоедания собственного населения! И темпы ухудшения жизни населения тоже были значительны.

Аналогичны парадоксы и по остальной статистике. Соединённым Штатам Россия уступала по общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней почти в 5 раз, по добыче угля более чем в 17 раз, нефти – втрое, стали – более чем в 7 раз, по протяженности железных дорог в 6 раз.

Социальная система сохраняла архаические формы, а самое главное – огромными темпами рос разрыв в уровне доходов разных слоёв населения.

Анализируя общественные процессы, надо, прежде всего, смотреть, соблюдается ли интерес большинства! А большинством было тогда крестьянство. Для него основным был вопрос о земле, на этом строились его представления о справедливости и переменах ради её достижения.

Крестьяне на собственной шкуре, вне пропаганды левых партий, испытывали всю нелогичность действий властей. Власть талдычила об идее частной собственности на землю, а для русского крестьянина основой всего его бытия был общинный надел.

Своим трудом крестьяне получают от земли урожай. Это – основа выживания. Помещичью землю брали в аренду, то есть платили паразиту-помещику, и крестьяне желали, чтобы паразита бы не было. Общинную землю постоянно делили, и обрабатывали каждый свою полосу. Разное качество земли приводило, в поисках справедливости, к чересполосице. Проблем было много, их и надо было решать.

Земельный вопрос имеет два решения. Или делить землю и работать индивидуально, или работать совместно, а делить урожай. Позже большевики пошли по второму пути, создав колхозы. А в то время держались первого варианта. Столыпин, главный реформатор предреволюционной поры, предложил и ни то, и ни другое. Его реформа была в том, чтобы каждый крестьянин выкупал кусок общинной земли в собственность.

В молодости, будучи предводителем дворянства Ковенской губернии, он часто ездил в соседнюю Пруссию, и наблюдал там успехи хуторской системы хозяйствования. Вот и решил перенести этот опыт в наши, совсем другие условия, забыв спросить, что об этом думают сами наши крестьяне.

Чисто умозрительно он решил, что в результате его земельной реформы из толщи косных крестьян выделятся трезвые и сильные, и возникнет слой крепких хозяев, которые станут опорой режима. А добился лишь того, что из общин вышли в основном пьяные и слабые, для которых надел давно перестал быть источником существования. Они подрабатывали то тут, то там, и не были способны к созиданию.

Вот статистика. Из 15 млн. крестьянских дворов из общины вышло около четверти, но им принадлежало лишь 16% наделной земли. 40% этой земли они сразу продали. Только 2,5 млн. хозяев взяли наделы в собственность. Но и этот процесс бесконечно порождал проблемы! Раньше передел земли в общине происходил раз в 12 лет, и то возникали трения. Теперь передел производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделиться на хутор или уехать. А это означало передвижку всех крестьянских земель в деревне. Кроме того, новые собственники оказывались посередине общинных земель. Крестьяне не считали это справедливым!

А между тем, губернаторы соревновались за процент «выделившихся», и принуждали общинников к разрушению привычного уклада силой. В бесконечные скандалы оказались втянуты миллионы человек. Они не желали подчиняться, а власть применяла насилие.

1102 человека были повешены по приговорам военно-полевых судов, до 3000 – по приговору военно-окружных судов; неведомо сколько тысяч расстреляли без всяких судов, 23 тысячи крестьян отправились на каторгу и в тюрьмы; 39 тысяч выслали без суда; сотни тысяч подвергли обыскам и арестам. Всё это вызывало только ненависть.

Не меньшие проблемы были в промышленности. Рабочий класс эксплуатировали нещадно. Некоторые любители царской старины доказывают, что рабочие получали очень хорошую зарплату – забывая добавить, что таких, высококвалифицированных рабочих были доли процента от общего их количества. Остальным за весьма умеренную плату приходилось работать по 12-14 часов. Лозунгом дня стало «Даёшь 8-часовой рабочий день». К этим требованиям власть не прислушивалась. В итоге в 1913 и в 1914 годах рабочий класс дал намного больше политических стачечников, чем даже в бурном 1905-м, и больше, чем в какой-либо другой стране мира.

Третьей проблемой была война. Массовые мобилизации, ухудшение социально-экономического положения в тылу и отвратительное снабжение фронта оружием, боеприпасами, продовольствием; перенос боевых действий на российскую территорию – всё это ускорило рост антиправительственных настроений.

О характере войны, как империалистической и несправедливой, солдатская масса – по своему составу те же рабочие и крестьяне – тоже узнавала не от революционных агитаторов. Люди и сами многое понимают. Мало того, что они видели войну. Солдаты получали месячные отпуска с фронта для устройства домашних дел и для участия в полевых работах, и видели, что творится в тылу: роскошь и мотовство паразитов, беспросветную нужду трудящихся, особенно солдатских семей. Отсюда – лозунг покончить с войной и покарать её зачинщиков.

Эти три основные беды: земельный вопрос, нещадная эксплуатация и война, прямо вели к восстанию. Об этом прекрасно знали все и снизу, и сверху. В апреле 1914 года депутат Думы граф Мусин-Пушкин делился своими наблюдениями с наместником на Кавказе, графом Воронцовым-Дашковым: «Революции никто не хочет, и все её боятся... Но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком».

Последний царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов так описывал положение в стране к началу 1917 года:

«Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность... Города голодали, торговля постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли... Искусство, литература, учёный труд были под гнётом... Начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было».

Теперь посмотрим на эволюцию политических структур того времени. Оказывается, она шла в точности справа налево, и по сути, страна перебирала варианты в поисках того, который устроил бы её с точки зрения трёх названных проблем.

На первом этапе царской властной верхушке – назовём их «консерваторы», противостояли оппозиционеры буржуазного толка («либералы»). Они предполагали преодолеть властный кризис через дворцовый переворот, не помышляя об отказе от монархии. Одновременно с ними выдвинулись более радикальные социалисты («демократы»), возродившие Советы рабочих и прочих депутатов, придумку 1905 года.

Можно сказать, действовал закон природы: если люди существующего правящего слоя не справляется со своим делом, то народ выдвигает из своей толщи новых людей, которые и составят новый правящий слой. Но кто осуществит чаяния народа? Это было не очевидно.

В начале марта Временный комитет, состоявший из думских деятелей-либералов, брал власть де-юре: 2 марта, когда Николай отрёкся от престола, было образовано первое Временное правительство, состоящее из октябристов и кадетов. В качестве ответной меры Петросовет назначил своих комиссаров в районах Петрограда, то есть этот орган захватывал власть де-факто.

Катастрофа – распад старого государства – уже произошла, но нового ещё не возникло. Этап подбора системы управления и, главное, идеологии, только начался. Процесс был неуправляем,

его участникам приходилось следовать за событиями; что-либо возглавлять было невозможно.

Либеральное Временное правительство кризиса не преодолело, а оказалось загнанным в ещё худшее положение, чем незадолго до этого царь. Почему? А потому, что они не делали того, чего требовала страна: не прекращали войну, не вводили 8-и часовой рабочий день, не решали земельный вопрос. Интересно, что логика событий – в силу неуправляемости процесса, привела к тому, что якобы «возглавившие» революцию либералы ликвидировали монархию, хотя это было не в их в планах, а в планах демократов, а в именно той части, которых уместно назвать социалистами!

Продолжается кризис, и продолжается подбор варианта развития.

В апреле 1917-го во Временное правительство вошли некоторые демократы, в частности трудовик Керенский. Затем правительство покинули Милюков и Гучков, а к Керенскому добавились эсеры и меньшевики. Власть оказалась в руках демократов и социалистов полностью: они руководили работой и Временного правительства, и Советов. И в том же апреле РСДРП, состоявшая из фракций меньшевиков и большевиков, разделилась на две партии. До сих пор большевики себя не проявляли, а Ленина вообще не было в стране.

В июне Всероссийский съезд Советов санкционировал наступление на фронте. То есть вопрос о мире не желали решать ни либералы, ни демократы. Точно так же был отложен земельный вопрос: на национализацию земли правительство не шло, поскольку половина земель уже была заложена, и национализация разорила бы банки. Учитывались интересы банкиров и земельных спекулянтов, но не крестьян.

Но никакие меры: ни подавление демонстраций, ни закрытие левой прессы, ни учреждение продотрядов, ни введение смертной казни на фронте не привели ни к чему, кроме роста ожесточения в народе.

Неудачный корниловский мятеж ещё больше поднял авторитет большевиков, поскольку именно они организовали подавление корниловщины. Усилился их контроль над Советами. Так начался переход на следующий уровень, появились «новые демократы»: ими стали большевики.

Либералы накануне октября 1917-го на секретном совещании в Ставке утвердили план военного переворота, направленного против всех демократов. Началась переброска с фронта войск к крупным городам. И лишь вслед за этим, 10 и 16 октября вопрос о вооружённом восстании рассмотрел и принял также ЦК партии большевиков. В ночь на 25 октября вооружённое восстание произошло. Власть получили Советы.

Как во всех предыдущих случаях, партии – на этот раз партии социалистов – разделились, на сторонников Учредительного собрания (меньшевики из числа социал-демократов и правые эсеры), и сторонников власти Советов (большевики из тех же социал-демократов и левые эсеры).

К середине 1918 года большевики с левыми эсерами разошлись; правительство стало однопартийным.

Но процесс подбора вариантов развития и процесс деления на политические части не закончился! Изрядная часть членов большевистской элиты шла в революцию не ради родной страны, а ради мировой пролетарской революции: этих любителей схем и моделей не интересовали ни земельный вопрос, ни индустриализация. Если бы они победили, Россия пришла бы к очередной неустойчивости, ведь государство, основанное на действиях во внешнем мире, потеряло бы способность синхронизировать дела внутри страны.

Но и некоторые из тех, кто соглашался с возможностью строительства социализма в одной стране, тоже грезили о мировой революции, плацдармом которой должна стать Россия, а дальше развитие пойдёт по Марксу и всем будет хорошо. Вожди этого направления тоже предпочитали схемы, модели и

галлюцинации, и хотя они были другими, от этого предлагаемый путь не становился менее тупиковым.

К счастью, среди лидеров этого направления оказались люди, умеющие здраво оценивать ситуацию, а не следовать теоретическим догмам. Так, Сталин в ходе полемики с Троцким говорил: «Надо откинуть устаревшее представление, что Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Сначала центристы и правые большевики победили левых большевиков. Затем уже правые обвинили Сталина в подавлении внутрипартийной демократии, продолжая ставить партизиозность выше государственности, а догму выше интересов страны.

Как видим – подборка идеи развития, которая обеспечила бы интерес России, шла через такую же партийную борьбу, что и на протяжении всего 1917 года, только формально в рамках одной партии.

Главная задача государства – организовать труд своих граждан, синхронизируя интересы разных социальных групп ради неких общих целей. Товарища Сталина можно любить или ненавидеть, это дело личное. Но факт, что товарищ Сталин, став руководителем государства, эту главную задачу решил. Разгромив все оппозиции и начав с 1929-го выполнение плана быстрой индустриализации, он к 1941 году поднял уровень ВВП во многие разы – даже и не вспоминая о взлёте образования, науки, здравоохранения.

Сейчас весь этот опыт: и подбора вариантов развития, и решения основной задачи, мог бы быть полезным.

Надеюсь, однажды он окажется востребованным.

*Авторизованный текст выступления
на двадцать четвертом заседании Исторического
клуба «Моё Отечество»
21 февраля 2017 года.*

